

МИЛОРАД ПАВИЧ

Внутренняя сторона
ветра
Роман о Геро и Леандре

Магистраль. Балканская коллекция

Милорад Павич

**Внутренняя сторона ветра.
Роман о Геро и Леандре**

«ЭКСМО»

1991

УДК 821.163.41-31
ББК 84(4Сеп)-44

Павич М.

Внутренняя сторона ветра. Роман о Геро и Леандре / М. Павич — «Эксмо», 1991 — (Магистраль. Балканская коллекция)

ISBN 978-5-04-202372-9

Милорад Павич — знаковый сербский писатель, в произведениях которого магический реализм переплетается с гипертекстуальностью, позволяющей читателю определять фабулу романа и влиять на сюжет. «Внутренняя сторона ветра» по своей форме напоминает водяные часы (клепсидра). Это книга-перевертыш, которую можно начать читать с любого конца. Геро и Леандра разделяют столетия, но они чувствуют или, лучше сказать, предчувствуют друг друга сквозь века. Между ними через полотно времени протянулись тонкие нити, которые читатель может попробовать найти и связать воедино. Леандр живет во времена турецких нашествий. Чтобы узнать свою судьбу, он обращается к прорицателям, которые предсказывают ему две смерти: от сабли и от огня. Эти пророчества — внутренняя и внешняя сторона ветра... Геро знает, что она умрет в 12 часов 5 минут. А пока она преподает французский двум детям, один из которых живет в будущем и не видим в настоящем, и переводит романы, вставляя в них свои новеллы...

УДК 821.163.41-31

ББК 84(4Сеп)-44

ISBN 978-5-04-202372-9

© Павич М., 1991

© Эксмо, 1991

Содержание

Леандр	6
1	6
2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Милорад Павич
Внутренняя сторона ветра.
Роман о Геро и Леандре

Milorad Pavić

Unutrašnja strana vetra

© Jasmina Mihajlović, 2011 + www.khazars.com

© Савельева Л. А., перевод на русский, 2024

© Издание на русском языке. Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Леандр

Он был половиной чего-то. Сильной, красивой и даровитой половиной чего-то, что, возможно, было еще сильнее, крупнее и красивее его. Итак, он был волшебной половиной чего-то величественного и непостижимого. А она была совершенным целым. Небольшим, неопределившимся, не очень сильным или гармоничным целым, но целым.

1

– У будущего есть одно большое достоинство: оно всегда выглядит в реальности не так, как себе его представляешь, – говорил отец Леандру.

В то время Леандр был еще не вполне сложившимся юношей, он все еще не знал грамоты, но был красив. Леандром его пока никто не называл, это пришло позже, а мать заплела его волосы, как плетут голландское кружево, чтобы в дороге не нужно было причесываться. Провожая его, отец сказал:

– У него такая красивая, длинная шея, как у лебедя; не дай бог от сабли погибнет.

И Леандр запомнил эти слова на всю жизнь.

В роду Чихоричей все, кроме отца Леандра, из поколения в поколение были строителями, кузнецами и пасечниками. Чихоричи осели на Дунае под Белградом, переселившись из Герцеговины, из того края, где пению в церкви учат раньше, чем азбуке, и откуда воды стекают в два разных моря: с одного ската крыши дождь сливается на запад – в Неретву и затем в Адриатику, а с другого на восток – через Дрину в Саву и Дунай и попадает в Черное море. Только отец Леандра пошел не в свою породу – о том, чтобы строить, не хотел и слышать.

– Стоит оказаться в Вене или в Будиме, среди всех этих домов, которые теперь понастроили, себя не помню и, только выйдя на берег Дуная, где щука глупее всего в феврале, понимаю, где я и кто я.

Однако Чихоричи ничего не знали о том, где проводит время и чем занимается их отец, чем кормится их семья. Он говорил им только, что живет благодаря воде и смерти, потому что живут всегда благодаря смерти. И действительно, отец Леандра приходил домой поздно, весь мокрый, то с Дуная, то с Савы, что всегда нетрудно было определить, ведь каждая река пахнет по-своему. И всегда в полночь, все еще мокрый, чихал десять раз, как будто считал.

Леандр, который в детстве носил имена Радача и Милько, с малых лет учился на примере деда и дядьев строительному делу, продолжая семейное ремесло. Он был хорошим плотником и каменотесом, особенно по мрамору, помогал при похоронах икон, а кроме того, у него был врожденный дар легко и быстро украсить картинками пчелиный улей или поймать рой пчел. Если в те времена, когда они еще жили в Герцеговине, случалось, что в жару во время летнего поста нужно было идти на реку, находившуюся на расстоянии двадцати ружейных выстрелов, всегда посылали Леандра, и только ему удавалось наловить рыбы, выпотрошить ее, набить крапивой и принести домой, пока она не протухла. Позже, во время одного из своих путешествий, он увидел и навсегда запомнил, как в знак памяти о деспоте Джурдже Бранковиче привозили на Авалу хлеб, замешенный на дунайской воде и освященный в смедеревском храме Пресвятой Богородицы. Весь путь от Дуная до Авалы был разделен на этапы между верховыми гонцами, которые, передавая хлеб из рук в руки, доставляли его так быстро, что он еще теплым достигал застолья деспотов на горе, где его ломали на куски и делили между присутствовавшими вместе с солью, добытой под Жрновом.

– Все мы строители, – говорил Леандру, обычно за ужином, дед Чихорич, – но нам для работы дается необыкновенный мрамор: часы, дни и годы; а сон и вино – это раствор. Все мы строители времени, гонимся за тенью и черпаем воду решетом: каждый строит из часов свой дом, каждый из времени сколачивает свой улей и собирает свой мед, время мы носим в мехах, чтобы раздувать им огонь. Как в кошельке перемешаны медяки и золотые дукаты, как перемешаны на лугу белые и черные овцы, так и у нас для строительства есть перемешанные куски белого и черного мрамора. Плохо тому, у кого в кошельке за медяками не видать золотых, и тому, кто за ночами не видит дней. Такому придется строить в непогоду да в невзгуду...

Леандр, слушая это, думал не о завтрашнем, а о послезавтрашнем дне и с удивлением замечал, что отец съедает ложку бобов за то время, пока сам он отправляет в рот три. В их семье каждому полагалось заранее определенное количество еды, и никто никогда не нарушал заведенного порядка, просто Леандр съедал столько же, сколько и другие, в три раза быстрее. Мало-помалу он стал замечать и то, что одни животные едят быстрее, другие медленнее, быстрее или медленнее передвигаются. Так он начал различать в окружавшем его мире два разных ритма жизни, два разных биения пульса крови или соков в растениях, две разновидности существ, загнанных в рамки одних и тех же дней и ночей, которые одинаково длятся для всех, – но одним их не хватает, а другим достается в изобилии. И помимо своей воли чувствовал несоместимость с людьми, животными или растениями, у которых ритм биения пульса был другим. Он слушал птиц и выделял среди них тех, у которых был его ритм пения. Однажды утром, ожидая своей очереди вслед за отцом напиться воды из кувшина и отсчитывая его глотки, он понял, что пришло время покинуть отчий дом. Он вдруг понял, что отец уже дал ему и его братьям столько любви и умения, что ему, Леандру, хватит до конца дней, чтобы согреться и питаться этим, и он не сможет дальше накапливать эту любовь, потому что она охватывает, как уже сейчас очевидно, и то время, когда самого Леандра (предмета и потребителя этой любви) уже не будет среди живых, – любовь отца, таким образом, окажется пущенной на ветер, бессмысленно перекрыв то расстояние, которое отделяло ее от точки приложения.

Вот как выглядел отъезд Леандра. Он умел играть на цимбале, и слушатели, довольные его игрой на праздниках, бросали внутрь инструмента медные монеты. В то время на савской пристани жили четыре старых возчика, тоже занимавшиеся торговлей и известные игрой на цимбалах. Случилось так, что один из них в дороге разболелся, и квартет остался без четвертого инструмента. Как раз в то утро, когда отец Чихорич решил начать учить сына письму и показывал ему первую греческую букву – Θ, – с которой начинается слово «Теотокос» (Богородица), в дверь постучался гость. Не успел Леандр впервые в жизни взять в руки перо, как в дом вошел самый старый из возчиков, снял со стены цимбалу и, подержав в руке, прикинул, сколько она может весить. Видимо, вес инструмента, наполненного монетами, оказался хорошей рекомендацией. Возчик упросил отца Леандра одолжить ему сына вместо четвертого музыканта на такой срок, который нужен для поездки в Константинополь. Сам Леандр согласился без раздумий, так что его обучение письму закончилось, не успев начаться, на первой букве. Тем временем старый возчик, приходивший к отцу Леандра, и сам заболел, так что пришлось ради сохранения квартета взять в дорогу товарища Леандра, парня с герцеговинской границы по имени Диомидий Суббота.

Возчики отправились в путь по старой константинопольской дороге, ведущей из Белграда через Салоники до царского города. Они видели Геллеспонт, прошли через Сест и Абидос и спустя два года вернулись обратно домой, потеряв, правда, по пути еще одного из двух старых возчиков, погибшего странным образом. Он приказал верблюду лечь на землю, чтобы спрятаться за ним, сходить по нужде, но, пока мочился, верблюд повалился на бок и придавил старика насмерть. На следующий год, перед новой поездкой в Константинополь, музыканты нашли ему замену, но в день отправления каравана четвертый возчик, последний из старых, не появился. Молодые люди, поняв, что среди них не осталось никого из стариков,

переглянулись, не сговариваясь, забросили подальше свои инструменты и отправились в путь уже не музыкантами, а купцами.

И опасное путешествие, и выгодная торговля между двумя разными мирами – Востоком и Западом, Европой и Азией – в те времена, когда турки всей своей массой двинулись на Вену, оправдали себя, но в дороге Леандр понял, что переполнен музыкой – так же как и отцовской любовью – до конца жизни и все, что будет к ней добавлено, просто перельется через край и уйдет в песок. Однако, увлекшись торговлей, он никогда больше не возвращался к цимбале, не только не брал ее в руки, но и не чувствовал потребности слушать музыку в мире, пожиравшем вокруг него день за днем. Он полюбил свое новое ремесло, полюбил путешествия и верблюдов с их медленной, плывущей походкой, за которой на самом деле скрывается их невероятная способность буквально проглатывать расстояния, полюбил их быстроту и выносливость – он даже пытался подражать им, облекая свой естественный пульс, свое внутреннее время, свою быстроту в мягкие, нежные и тягучие движения. Скорость, обрядившаяся в лень, – вот была его цель. Зная, что это лучший способ защиты, он всегда скрывал, насколько сгорела его свеча, и молчал о том, что уже заранее видел из-за спины ветра. Ибо он понимал, что такая скорость похожа на опасное оружие, к которому люди относятся с подозрением. Так, наблюдая за верблюдами и годами упражняясь, он научился успешно маскировать свою необыкновенную силу и свои достоинства, будто это были пороки. И это защищало его от неудач и несчастий. Времена были тяжелые, и в пути нередко можно было встретить человека в окровавленной одежде. От купцов Леандр наслушался страшных рассказов о турках с саблями, ловцах скорости, любителях погони, охотниках за головами, которые подстерегают караваны и жестоко расправляются с купцами и возчиками. Ему рассказывали, что охотник за головой всегда держит за спиной ту руку, которая нужна ему для онанизма, и бережет ее как драгоценность, старается не перетрутить и ничего ею не делает, а саблю, которой сносит головы с плеч, держит в другой руке. И хотя Леандр знал, что дьявол не может убить и что жизнь отнимает один только бог, ему все равно было страшно; и глаза его начинали метаться по лицу при одной только мысли о турке с саблей.

Страх в нем еще больше укрепил один предсказатель. Он жил в огромной растрескавшейся цистерне для хранения воды, мыл ноги, не снимая носков, и его одиночество портилось так же быстро, как творог на жаре. Леандру сказали о нем:

– Дашь ему медяк – побреет, дашь два – во время бритья предскажет твою судьбу. Но имей в виду, предсказывает он лучше, чем бреет.

Леандр сел на камень перед входом в цистерну и дал два медяка. Прорицатель рассмеялся, и стало видно то единственное, что в нем не старело, – его улыбка. Он велел Леандру раскрыть рот, неожиданно плюнул туда, потом разинул рот сам. Когда Леандр ответил пророку плевок, тот поплевал ему на каждую щеку, размазал плевки и начал бритье.

– Как ты думаешь, турки ударят завтра или послезавтра? – спросил его Леандр полушутя.

– Понятия не имею. – Голос прорицателя повис в воздухе, как большая плита.

– Что же ты тогда за пророк?

– Знаешь, прорицатели бывают двух сортов – дорогие и дешевые. Только не думай, что одни из них хорошие, а другие плохие. Дело не в этом. Одни занимаются быстрыми, а другие медленными тайнами, вот и вся разница. Я, например, дешевый прорицатель, потому что завтрашний день и следующий год скрыты от меня даже больше, чем от тебя. Я вижу очень далекое будущее, на два или три столетия вперед, – я могу предсказать, как будут звать тогда волка и какое царство погибнет. Но кого интересует, что будет через два или три столетия? Никого, даже меня. Мне на это плевать. Но есть и другие прорицатели – дорогие, например в Дубровнике. Они предсказывают, что случится завтра или через год, а это нужно каждому, как лысому шляпа, и у таких не спрашивают, сколько его пророчество стоит, а платят, не жалея, пригоршнями, как за перо жар-птицы. Но не следует думать, что два таких пророка и их про-

рочества никак не связаны друг с другом или что они друг другу противоречат. В сущности, это одно и то же пророчество, и его можно сравнить с ветром, у которого есть внешняя и внутренняя сторона, причем внутренняя – это та, которая остается сухой, когда ветер дует сквозь дождь. Таким образом, один прорицатель видит только внешнюю сторону ветра, а другой – внутреннюю. Ни один из них не видит обе. Поэтому приходится идти, по меньшей мере, к двум, для того чтобы сложить целую картину, сшить лицо и подкладку своего ветра...

А сейчас ты узнаешь все, что можно узнать от меня. Человек похож на судовой компас: вертится вокруг своей оси и видит все четыре стороны света, однако то, что происходит снизу и сверху, остается скрытым, оно ему недоступно. Но как раз это-то и хочется узнать, это-то и интересует: любовь снизу и смерть сверху.

Любовь бывает разных видов. Одну можно подцепить только вилкой, другую едят руками, как устриц, иную следует резать ножом, чтобы не удушила тебя, а бывает и такая жидкая, что без ложки не обойтись. Но есть и такая, как яблоко, которое съел Адам.

Что же касается смерти, то это единственное, что под сводом небесным может, как змея, передвигаться и вверх, и вниз по древу нашего происхождения. Смерть может веками ждать твоего рождения еще до того, как ты родился, а может вернуться за тобой, выйти тебе навстречу из далекого будущего. Кто-то, кого ты не знаешь и никогда не увидишь, может натравить на тебя свою смерть, как охотничью собаку на дичь, или послать ее вдогонку за тобой с такого расстояния, которое невозможно себе и представить...

Однако оставим это. У тебя очень красивая шея. Такая шея влечет к себе и женские руки, и солдатскую саблю. А я вижу солдата в сапогах, он бреется саблей с золотой кистью на рукоятке, и тебя этой саблей он зарубит. Потому что, вот, мне ясно видна и твоя голова. На блюде, как голова святого Иоанна Крестителя. А причина в женщине... Но ты не бойся, это будет нескоро. До этого пройдет еще много времени, много скотины народится. А ты пока береги шею, лебедь мой, и от женщин, и от сабли. И умойся...

Так и бритье, и пророчество были закончены. Леандр шел домой, а за ним падал первый снег этого года и звенел мощный голос пророка.

«Таким голосом, – подумал Леандр, – снег можно примять, как ковром». И содрогнулся от холода, стоявшего вокруг, и от ужаса внутри себя.

Предсказание сразило Леандра. Страх встретить человека с саблей показался ему еще более обоснованным, чем всегда. Его сердце трепетало в груди, а сны стали заразными от страха, и если Леандру снилось, что ворона клюнула его в зуб, потому что он улыбнулся ей во сне, то все, к кому он в течение следующего дня прикасался, видели во сне ворону, клюющую их в зуб.

Однако в те дни, когда Леандр боялся человека с саблей больше всего, он его не встретил. Встретил он девушку. Пока Леандр и его товарищи пережидали на берегу Охридского озера зиму, ему стало казаться, что в своем страхе он хватил через край и потерял свой естественный ритм, что, вместо того чтобы развивать свое тайное преимущество, он его утрачивает. А началось все с того вечера, когда он, как ему показалось, услышал звуки цимбалы. И вдруг поймал себя на том, что прислушался к музыке, а не остался равнодушным, как прежде. Это показалось ему шагом назад. Играл не мужчина, а женщина, и эта разница, о которой Леандр знать не мог, не ускользнула от него. Прислушавшись, он заметил еще кое-что. В тех местах, где музыка требовала от исполнителя скрестить на струнах пальцы, звук цимбалы замирал и продолжал звучать спустя еще несколько мгновений, как будто они были нужны для того, чтобы вдохнуть воздух. Леандр понял, в чем дело, и на следующий день, увидев девушку, которая играла, сказал ей прежде всего:

– Я слышал, как ты играешь. У тебя не хватает одного пальца на левой руке, безымянного. Но играть ты научилась еще до того, как его потеряла. Так было дело?

– Так, – ответила девушка, – три года назад мне подложили металлическую цимбалу с раскаленными струнами. С тех пор я играю просто так, чтобы не забыть, а тебя никто слушать не заставляет...

Леандр тут же подумал, что то, как научился жить он сам, может помочь девушке забыть о своем несчастье. Он попытался объяснить ей, что нужно жить быстро, не оглядываясь назад. И, гуляя из вечера в вечер вдоль берега озера, старался объяснить девушке свое необыкновенное и тщательно скрываемое свойство. Вскоре стало ясно, что Деспина, так звали девушку, была отличной ученицей, а дни, когда произошло несчастье с цимбалой и раскаленными струнами, оказались быстро забытыми. Она навсегда оставила инструмент, так же как Леандр в эти же дни расстался с купцами, сытый по горло их работой, переполненный страхом, с карманами, набитыми заработанными дукатами. Деспина постепенно перенимала его ритм еды, с успехом подражала его походке и речи, училась пользоваться глазами с такой же головокружительной быстротой, с которой делал это он; и бывали такие моменты, когда ей казалось, что за день она проживает два дня. Однако во время этих уроков, гуляя вдоль берега и стараясь скрыть от других людей свою общую быстроту, как общую тайну, они постепенно сблизились. Ее кольцо иногда бросало отблеск прямо ему в глаза, а он, глядя на нее, размышлял, нет ли у нее на груди вместо сосков закрученных свиных хвостиков, как у некоторых изображенных на фресках грешниц. К этому времени Леандр о женщинах знал немного, как, впрочем, и о себе. Он знал, что с винами следует обращаться так же, как с женщинами: по-разному летом и зимой; знал также и то, что сильные вина переливают летом, а слабые – зимой. Это было все, что по разговорам в семье было известно Леандру о женщинах, однако девушка без пальца, на котором носят обручальное кольцо, привлекала его. В те дни где-то ждала Леандра его *fabula gasa*, его «пустая история», и умоляла о том, чтобы он наконец в нее вселился.

Через Охридское озеро, разделяя его на две части, протекает река Дрим. Однажды вечером Деспина и Леандр положили в лодку рыбачью сеть и поплыли через озеро по реке, которая на заре доставила их на другой берег. В ту ночь в лодке, скользящей по двухслойной воде, покрытые сетью, они впервые легли вместе.

Но Леандр, который за несколько часов предвидел все, что должно произойти, в тот момент, когда его ожидания начали сбываться наяву, был более быстрым, чем его спутница, так что им не удалось даже прикоснуться друг к другу. Его ритм оказался совсем иным, чем ее, и так он впервые столкнулся со страшным роком, лежащим на дне его тайного преимущества перед другими. Они и потом никогда не могли достичь гармонии друг с другом, и Леандр, казалось, метал икру в озеро и реку, протекавшие под ним, наполняя не женское лоно, а лежавшую под ним сеть.

В последний вечер Деспина купила в монастыре Святого Наума две свечи, одну из них она дала Леандру, а другую оставила у себя в узелке. Как и обычно, они поплыли вниз по реке через озеро, и Леандр попытался еще раз. Последний раз. Когда у него опять ничего не получилось и он изверг семя, даже еще не прикоснувшись к девушке, Деспина дала ему свечу, чтобы он, орудуя ею, сделал ее женщиной. Потом, уже ближе к рассвету, взяла весло и подогнала лодку к песчаной косе перед построенным сербскими деспотами монастырем Богородицы Захумской, до которого можно было добраться только по воде. Вторую свечу, свою, она зажгла, протянув Леандру, поцеловала его и оставила в монастыре, а сама погребла вниз по течению Дрима.

Обезумевшие и измученные, они расстались навсегда, убежденные, что никогда не смогут соединиться. Когда Леандр со свечой в руке подошел к монастырю, заутреня подходила к концу. Еще до того, как войти в церковь, Леандр заметил, что в этот день в монастыре происходили похороны иконы. Икона из Пелагонии была очень старой, но, прежде чем ее положили в могилу и полили вином, Леандр успел разглядеть ее. На ней были представлены Богородица, кормящая Младенца, и мужчина с топором – это был Иоанн Креститель, – стоявший рядом

с ними. С детской ножки почти свалилась сандалия, и стоящий рядом с матерью человек подхватил ремешок, чтобы натянуть его ребенку на пятку; ребенок, почувствовав внезапное прикосновение, прикусил материнскую грудь, она же, поняв, что случилось, посмотрела на мужчину, поправлявшего сандалию.

Так замкнулся круг, непрерывная линия, соединявшая человека, его руку, пятку ребенка, грудь женщины и ее взгляд, обращенный к человеку. Эта линия, которую Леандр охватил взглядом за несколько мгновений до того, как икону засыпала земля, напомнила Леандру ту единственную букву, которую он выучил, – Θ , и он подумал: «Значит, все-таки соединение возможно!»

После этого он направился в монастырь, чтобы постричься в монахи.

Однако сразу это Леандру позволено не было. Во-первых, из-за того, что у него еще не росла борода. А когда он рассказал, откуда родом, и сообщил, что семья его не относится ни к западному, ни к восточному христианству, а сохраняет «веру дедов», то есть богомилов, или патаренов, пришлось ему на несколько лет сделаться послушником и каяться в своих грехах, ожидая приема в братство. Все это время он жил в деревянной колокольне, набитой книгами. Спал на сложенных веревках от колоколов, которые будили его, вырываясь из-под тела по ночам, когда ветер раскачивал колокола и было слышно, как разбушевавшееся озеро с ужающей силой швыряло прибрежную гальку в монастырские ворота. Но страх уже покинул Леандра. После того, что произошло у него с Деспиной, истории о людях с саблями и ночные кошмары казались ему детской игрой.

– Всегда он голоден, как будто отец делал его на пустой желудок, – говорили о нем монахи, а он недалеко от монастыря с подветренной стороны устроил небольшое кладбище икон, засадил его цветами, сделал каменную ограду и небольшие ворота. Вечерами у него допоздна горела на окне лампада, которая отгораживала его от ночи, пока он очинял перья для монахов-переписчиков и делал для них чернила из смеси ягод и пороха. Потом гасил плевком лампаду и мечтал о том дне, когда его примут в монастырь, научат писать и читать книги, расставленные на полках вдоль стен колокольни, а затем засыпал и спал так быстро и крепко, что к полуночи совсем высыпался.

В 1689 году он стал монахом, и когда в конце обряда посвящения игумен сказал ему: «С сего дня, сын мой, имя твое Ириней!» – Леандр услышал, как начали звонить колокола. Первыми зазвонили в Святом Науме за озером, потом к северу от Охрида – сначала в Святой Софии, затем в Перивлепте, Святом Клименте и так далее по порядку вокруг озера до тех пор, пока звук не достиг того места, откуда и начался, то есть монастыря Святого Наума. В этот момент в монастырские ворота ворвался запыленный и усталый Диомидий Суббота, товарищ Леандра, и сообщил, что Скопье сожжено, что в Призрене скончался австрийский главнокомандующий генерал Пиколомини, в армии христиан чума, а турецкие карательные отряды неумолимо продвигаются к северу по долине Вардара и со стороны Софии, сжигая и села, и монастыри и сметая на своем пути все и вся. Товары и деньги Диомидия и его компаньонов пропали, и он пришел к Леандру в одной бороде и рубахе просить о помощи.

– Они все уничтожат, все уничтожат, – повторял он, ломая пальцы, и поминутно, скрестив руки, хватался за уши и зажимал их ладонями, чтобы не слышать колокольного звона. Остальные монахи, пока Леандр разговаривал с Диомидием, заполняли мешки драгоценностями, запирали на засов двери, подводили из затона к монастырю лодки и плоты, а вдалеке, за озером, было видно и слышно, как народ, бросив свои дома, бежит на север, гоня перед собой скотину и срывая с нее или затыкая пучками травы колокольчики и бубенцы. Вскоре над озером потянулся тяжелый, жирный ветер, полный дыма и смрада, и Леандр понял, что крестьяне жгут все, что не могут забрать с собой...

Так Ириней Захумский не прожил в монастыре монахом и одного дня, а его уроки письма были снова отложены до лучших времен. Он зацепил за свою рясу несколько рыболовных

крючков, спрятал за пазуху дукаты, поклонился кладбищу икон, а перед могилой иконы из Пелагонии отрезал прядь своих волос и обвил ею крест, как это делали во времена его детства вдовы на могилах погибших мужей. Потом дал два золотых Диомидию, приказал завязать их в платок и спрятать в бороде, и они отправились в путь.

Уже в первые два дня бегства он увидел, что и среди беженцев есть две разновидности людей. Одни спешили день и ночь, без сна, без передышки; они постоянно обгоняли Леандра и Диомидия и исчезали вдаль, надеясь пожать то, что взрастят между двумя ночевками и двумя кострами. Позже они видели их, в изнеможении плетущихся вдоль дороги, не в состоянии продолжать путь и предлагающих за два фунта вина фунт воска. Вторые шли спокойнее, но, остановившись на отдых, впадали в панику, расспрашивали о новостях с поля боя, блуждали от костра к костру, от одного лагеря беженцев к другому, слушали пение слепцов. Их исход был медленным, но и первых и вторых обгоняли те, кого было совсем мало и которые вели себя так же, как и Леандр. Ему стоило больших усилий заставить Диомидия Субботу следовать своему примеру. День, по византийскому обычаю, они делили на две части, так же поступали и с ночью; в середине ночи отдыхали, и их отдых продолжался столько, сколько было нужно для того, чтобы идти не слишком быстро и не догнать австрийскую армию, которая, отступая, грабила всех подряд, но при этом и не отстать от нее намного, чтобы не оказаться в руках шедшего за ними по пятам авангарда армии султана, состоявшего из татар. За Леандром и его товарищем следовал страх отставших, и этот чужой страх подгонял их собственный. А за всем этим расползались чума и голод, а за голодом – турки, которые жгли, разрушали, разоряли и предавали все вокруг власти клинка. Иногда среди этого ужасного смятения Леандр и Диомидий Суббота замечали возле дороги, заполненной беженцами, неподвижно застывшего человека, который, насыпав себе в ладонь земли и посадив в нее семя, ждал, когда оно прорастет и зацветет, – таков был его обет.

– Они все уничтожат, все уничтожат! Не те, так другие, – повторял Диомидий Суббота, стоя на одной ноге и согревая в ладонях ступню другой.

Наконец как-то вечером Леандр положил конец его причитаниям.

– Теперь, Диомидий, послушай, что скажу тебе я. Безумие – жечь все, что мы вынуждены покинуть, даже враг не смог бы разорить и уничтожить все так, как это делаем мы. У него нет силы выцедить из земли все, как мороз выцеживает из рыбы воду. Наоборот, чем больше мы оставим после себя, тем дольше враг задержится, разрушая, а значит, у нас будет больше надежды, что хоть что-то останется и от нас, и после нас. Поэтому не нужно поджогов и разрушений. Напротив, нужно строить, строить даже сейчас. Ведь все мы строители. Только для работы нам дан необыкновенный мрамор: часы, дни и годы; а сон и вино – это раствор. Плохо тому, у кого в кошельке за медяками не видно золота, и тому, кто за ночами не видит дней!..

Говоря все это, Леандр и сам удивлялся своим словам, своему голосу, который достигал его ушей изнутри, через горло, еще до того, как долетал до Диомидия, но больше всего удивлялся он тому неожиданному решению, которое, похоже, уже давно зародилось в нем, хотя он об этом даже не подозревал. Как будто он все время шел в темноте и не заметил, как перешел невидимый ему во мраке ночи мост. Одно было ясно: он уже на другом берегу; решение свое он сформулировал очень просто и так же просто сообщил о нем своему спутнику:

– Настал час использовать этот мрамор для строительства, Диомидий, пришло время нам снова взяться за ремесло наших предков. Так мы теперь и поступим. С сегодняшнего дня будем строить. Бежать и строить на бегу. Если хочешь, присоединяйся ко мне, не хочешь – ступай, и пусть те два золотых, что спрятаны в твоей бороде, помогут тебе в дороге. С этого момента я буду строить на каждом третьем месте своего отдыха. Все равно, что. То, что умею.

Диомидий остолбенел от ужаснувшего его предложения. Он принялся заклинать товарища не делать ошибки сейчас, когда даже те, кто никогда не ошибался, расплачиваются головой:

– Тебя догонит один из тех, кто давно выбросил ножны и с саблей наголо разыскивает шею, похожую на твою. Таких сейчас по всем дорогам полно. Бежим, пока не поздно.

Но Леандр больше не боялся мужчин. Боялся он женщин. Такая странная самоуверенность Леандра была непонятна, но, подкрепленная тяжестью имевшихся у него золотых монет, сломила Диомидия, все богатство которого было спрятано в бороде. Он согласился вопреки своему желанию, вспомнив, что во всех их совместных путешествиях Леандр всегда чувствовал себя как рыба в воде между двумя империями, тремя верами и столькими языками, сколько дуло здесь разных ветров.

Следующим утром Ириней Захумский, как с недавних пор звали Леандра, купил верблюда, расплатившись за него чистым золотом, посадил на него Диомидия и дал ему десять дукатов. Он послал его в сторону долины Ибара, на место, находившееся отсюда в трех днях пути: заготовить камень, сделать черепицу и соорудить фундамент будущего здания. Сам Леандр последовал за ним, как и раньше, пешком.

На третий день он заснул на ходу, и ему приснились волны, море и факел, видневшийся у самого горизонта, до которого нужно было доплыть, а когда, вздрогнув, проснулся, оказалось, что волнами были его собственные шаги, потому что он шел во сне. Человек с саблей стоял перед ним.

Он стоял, перегородив дорогу, огромный, верхом на коне, чьи копыта были покрашены в красный цвет краской из кампеша, которой пользуются женщины. Голова его была непокрыта, а на макушке вместо заплетенного в косичку пучка волос росли роскошные рыжие усы, аккуратно расчесанные и разделенные пробором. Когда беженцы приблизились к нему – а все они, в том числе и Леандр, как заколдованные продолжали движение в его сторону, – человек с саблей резко ударил себя ладонью по затылку, второй рукой ловко подхватил выскочивший из глазницы искусственный хрустальный глаз и, вращая над головой саблей и нанося беспощадные удары направо и налево, влетел в толпу беженцев, остолбенело наблюдавших за его действиями. Приблизившись к Леандру, он встал как вкопанный, потом приставил конец сабли к его кудрявой потной бороде и начал поднимать подбородок своей жертвы осторожно, стараясь не поранить, но так решительно, что затылок Леандра тут же устоялся в землю. В первый момент казалось, что человек с саблей ищет завязанные в тряпку и спрятанные в бороде золотые монеты, но вскоре стало ясно, что он разглядывает шею Леандра. Опустив саблю, он сказал:

– Умереть не бойся, умереть – значит просто перестать быть чьим-то сыном. Только это и только так. Но я тебя не зарублю. Твоя шея будто специально создана для Исаяи. И я дарю ее Исаяе. Пусть порадуетса Исаяя. Не уйдешь, найдет тебя Исаяя. А может, уже и ищет тебя Исаяя. Отправляйся к нему! – И человек с саблей весело ускакал, собрав в мешок свою кровавую добычу.

Когда все закончилось, Леандр вместе со всеми снова двинулся в путь, он был таким уставшим, что продолжал спать на ходу, и вскоре уже не помнил, почему в его ушах звенит страшное имя Исаяя, не знал, приснился ли ему человек с саблей, или он его действительно встретил. В назначенный день он вовремя прибыл на условленное место, застал там Диомидия и увидел, что тот его не предал. Неподалеку от монастыря Жиче в Градаце у минерального источника Суббота выбрал место, обжег черепицу, приготовил, как они и договорились, фундамент и, как хороший хозяин, поджидал Леандра с горшком горячей каши и кучей камня и теса, которые он чуть не даром купил у крестьян, покидавших свои дома и дивившихся ненормальному погонщику верблюдов, который платит за то, что они сжигают и выбрасывают. Товарищи вместе поужинали, переночевали, а наутро Леандр дал своему другу еще десять дукатов и назначил место следующей встречи. Все заклинания и просьбы Субботы не помогли. Расстались они со слезами на глазах, и Диомидий, взобравшись на верблюда, отправился дальше на север, а Леандр остался стоять под кровавым снегом, который в тот год пошел не в свое

время, – в трех днях пути от турок и чумы, на ничейной земле между двумя фронтами, двумя воюющими империями, двумя верами, ни к одной из которых он не принадлежал.

Здесь он сбросил с себя рясу и, оставшись один посреди поля, на земле, которая так пропиталась кровью, что уже несколько лет не приносила урожая, начал возводить маленькую церковь Введения во храм Богородицы; он считал кирпичи и часы, от которых зависела его жизнь, а долиной Ибара текла река беженцев, и вокруг горели сербские монастыри Милешева, Раваница, Дечани. Вместе с рясой он сбросил с себя и взятое от верблюда внешнее спокойствие, и ложную замедленность движений и, свободный от любых обязательств по отношению к окружающим, дал волю всей своей силе, выпустил на свободу свое внутреннее, молниеносно быстрое время. Впервые после той страшной охридской ночи он снова почувствовал себя человеком и ощутил свое преимущество перед другими. Он взялся за инструменты и принялся колотить камень и возводить стены с быстротой, о которой мечтал в детстве еще в Боснии, когда наблюдал за тяжелыми движениями деда, обтесывающего огромные плиты надгробий. Сейчас он снова стал строителем, соленый пот и пыль набивались ему в рот, мокрые волосы лезли в уши, череп раскалялся, и камень и черепица трескали и ломались от мощи его рук и от кипящей, как будто ядовитой, слюны, а выделявшееся от усилий лютое мужское семя жгло ноги и разъедало одежду. В полдень Леандр прекращал работу, ел немного каши и ложился на берег реки. Он привязывал к прядкам своих длинных волос рыболовные крючки и опускал голову на камень возле воды, а волосы в реку. Так он спал и ловил рыбу, усталый и голодный, в надежде, что рыба, заплыв в сон, нарушит его. Потом вставал, работал до полуночи и снова ложился, пока его не будил филин, птица, которую никто не видел и которой известно, где умрет тот, кто слышал ее голос.

На третий день, когда церковка Введения во храм Богородицы была покрыта черепицей, Ириней Захумский снова надел свою рясу, освятил церковь, тут же забыл о ней и продолжил бегство на север. Три дня он бежал и три дня отдыхал для следующего строительства. На берегу Моравы, недалеко от Свилайница, в назначенном месте он нашел Диомидия Субботу, новый, уже законченный фундамент, горшок сваренной каши, гору строительных материалов – но все это рядом с издохшим верблюдом. Верблюда они съели, купили коня, обнялись на прощание, и Леандр долго смотрел на своего товарища, прежде чем решился сказать ему самое страшное.

– Теперь ты отправишься не на север, вместе со всеми беженцами, – начал он, – а повернешь на восток, и следующее место, где тебе придется готовить материалы и закладывать фундамент, будет ближе к передовым отрядам турок, чем это было раньше. Если боишься, можешь покинуть меня, я не обижусь, но, если решишь остаться, тебе придется поступить так, как я сказал. Только не проси объяснений, для объяснений у нас нет времени.

Тогда Диомидий Суббота впервые решился высказать, что думал сам.

– Я знаю, – сказал он, – кто платит, тот и музыку заказывает. Но ты встал на плохую дорогу. Народ восстал против народа, а мы в эти последние ратные времена хотим строить, когда никто не строит. Мир выиграть можно, а вот войну еще не выиграл никто. Такие маленькие народы, как наш, должны уметь управлять скипетром, который над ними, кому бы он ни принадлежал. В этом и состоит мудрость, и патриотизм в мирной жизни гораздо важнее патриотизма на войне, а ты до последнего дня не знал, пока вокруг все не запылало и пока ты сам не заплакал кровавыми слезами, что делать и со своей ненавистью, и со своей любовью...

– Смотри, – ответил Леандр, – видишь, через окно растет дерево. Оно не ждет мира, чтобы расти. И не строитель выбирает место и время года или погоду, солнечную или проливной дождь, – выбирает владелец здания. А наше дело строить. Разве кто-нибудь обещал тебе мир и счастье, дом – полную чашу и то, что на жизненном пути добро всегда будет сопровождать тебя, как хвост сопровождает осла?

Диомидий впал в отчаяние, но все его дальнейшие вопросы и мольбы оказались напрасны. Под конец он согласился на все условия Леандра, и они расстались в третий раз, не зная, встретятся ли вновь.

Леандр остался на ничейной земле, на утесе, одиноко стоявшем над берегом и напоминавшем обглоданный ветрами скелет. Он строил еще одну церковь, посвященную Богородице, и ждал, чтобы мороз выщедил всю воду из рыбы, которую оставил ему Диомидий. Спал он по-прежнему в полдень и в полночь и боялся только потерять счет времени. На этот раз поблизости не было филина, который будил бы его, и он спал, ожидая, что его разбудит полуденное солнце. Но однажды его разбудило не солнце. Разбудило его прикосновение к горлу чьих-то пальцев. И чье-то дыхание, пахнувшее вином, настоящим на петрушке, заставившее его окончательно очнуться от сна и открыть глаза. Возле здания, которое он строил, стоял оседланный конь с красными копытами, а рядом с ним на снегу лежала огромных размеров сука, которую тут же кто-то позвал по имени. Имя суки было Пичка. Так окликнул ее незнакомый голос, и она подошла к Леандру. Леандр увидел склонившихся над собой суку, от которой тоже пахло настоящим на петрушке вином, как будто и она была пьяна, и огромную голову с седыми, как мыльная пена, волосами. Леандр тут же понял, что рядом с ним присел на корточки Исая.

– Давно я о тебе слышал, – сказал ему человек с саблей, – и сейчас ты узнаешь, зачем я тебя ищу и почему тебя выбрал. Я не такой охотник за головами, который сносит головы с плеч ради забавы или выгоды. И воюю я не за турок и не за немцев. У меня своя цель. Ты не мог не слышать, что делают с отсеченной головой. Заставив человека таким манером расстаться с жизнью, кладешь его голову в мешок и идешь с ней в первую же корчму, ставишь на стол, причесываешь, чтобы хорошо выглядела, и начинаешь пить. Пьешь три дня и дожидаться. Ждешь, упорно ждешь, а на третий день голова на твоём столе вскрикивает. Три дня ей нужно для того, чтобы понять, что она мертва. А некоторым требуется и больше. Но это дано не каждой голове и не каждой сабле. Нужно быть ловким, как я, и уметь выбрать хорошую шею с высоко поставленным кадыком, таким, как у тебя, который просто создан для сабли. Наверняка это тебе уже говорили, и я уверен, что всадники с саблями так и выются вокруг тебя, удивительно, как ты еще жив, мне просто повезло. Тебе не нужно бояться: я не мясник, рука у меня легкая и быстрая – могу на лету птицу поймать, пчелу надвое рассечь. Не будь я таким, из меня давно бы росли не волосы, а трава. Ну-ка, скажи что-нибудь, чтобы я потом по голосу смог тебя узнать.

Но в этот момент Леандр от ужаса лишился голоса. И это спасло ему жизнь. Он на пальцах попытался показать Исая, что не может говорить, Исая вскочил как ошпаренный, взмахнул саблей и отсек Леандру ухо, но Леандр не вскрикнул. Крик остался внутри его горла – ждать каких-то других времен. Он будто окаменел. Тогда человек с саблей плюнул, бросил в снег серебряную монету и поскакал. На ходу он прокричал:

– Вот тебе за ухо. И за то, что с этого дня тебя будут звать одноухим... Теперь ты меченый, и я легко узнаю тебя, если дар речи вернется к тебе.

Люди бывают разных сортов, в зависимости от того, что им хочется забыть. Леандр неподвижно стоял возле своей стройки, не узнавая ее. Он понимал, что долго бродил и плутал, но все это время его душа стояла на месте. Он вытащил из сумки корку сухого хлеба, которую еще в монастыре на берегу озера намочил в уксусе, а потом высушил. Сейчас он увлажнил корку водой, добытой из растопленного в ладонях снега, и получил пригоршню хорошего уксуса, которым умылся. После этого Леандр осмотрелся по сторонам. Подо льдом текла вода, и он прислушался к ее голосу. Разбил лед в одном месте и прошептал несколько слов. Голос воды повторил все слово в слово. Леандр улыбнулся. Он произнес одно слово по-гречески: «теотокос», и вода повторила греческое слово.

«Знай я латынь, – подумал Леандр, – мог бы научить воду говорить на латинском». Вода была, как попугай. Она умела учиться. «Внутренняя сторона воды», – подумал Леандр. Тут над

ним пролетела птица фуга, которая издает страшную вонь и этой вонью на лету убивает других птиц. Она заставила Леандра очнуться от кошмара или зачарованности; будто спросонья, он взглянул на свое строение, дар речи вернулся к нему, и он продолжил работу, будто ничего не случилось. Закончив церковь, он освятил ее так же, как предыдущую, и в памяти жителей того края она осталась как «Мильков монастырь».

Отступая дальше, в сторону Дуная, где-то неподалеку от Смедерева Леандр нашел своего товарища, изнуренного и затерянного среди беженцев, которые толпились на берегу, не зная, как перебраться через реку. Леандр с Диомидием съели коня, потом Леандр нанял для своего товарища лодку и послал его на другой берег, на австрийскую территорию, с дюжиной дукатов и распоряжением подготовить под Сланкаменом, в Среме, фундамент и материалы для новой церкви. А сам остался на берегу Дуная и, пока народ, расхватав все, что хоть как-то годилось для переправы, тонул во взбесившейся реке, которая, как говорят, течет прямо из рая, начал неподалеку от Гроцке, в стороне от воды, возводить свою третью церковь. Строил он ее в Раиноваце из тесаного камня, а посвятил Рождеству Богородицы, и чем выше была стена, тем труднее было ему, одинокому и усталому, дотащить камень до нужного места. Иногда он бросал взгляд на другую сторону Дуная, где лежали на берегу лодки беженцев, напоминавшие отсюда беспорядочно разбросанные туфли. Работа шла все медленнее и медленнее, последние камни Леандр, уже совершенно выбившийся из сил, поставил в верхней части церкви гораздо позже, чем предполагал. Теперь ему стало ясно, что бывает не только два вида людей и зверей, живущих разным ритмом. Его собственные руки жили и реагировали с разной быстротой. Заканчивая постройку церкви, он заметил, что правая рука отстает от левой. Казалось, будто в нем самом текут два времени, венозное и артериальное, которые не смешиваются между собой. В эти дни камень раздробил ему безымянный палец на левой руке. Церковь была готова, но к тому моменту, когда турки вышли к Дунаю, у Леандра не оставалось ни сил, ни времени спуститься вниз. Из своего укрытия он видел, как всадники влетели на берег реки. Они не вылезали из седла – это ему было известно – более шестидесяти часов, и сейчас, выходя к границе враждебной империи, многие спали, вцепившись зубами в гривы, а кони не засыпали под ними только потому, что их члены были завязаны волосом из хвостов. Было видно, как они просыпаются, почувствовав запах большой воды, въезжают в реку, чтобы напоить коней, мочатся, не вылезая из седел. Леандр представил, как они будут убивать его этими политыми мочой руками. Видел он и других турок, которые верхом въезжали в его церковь и рассматривали следы от раздробленного пальца Леандра, думая, что кто-то уже опередил их в убийстве и грабеже. Видел он и то, что они подожгли здание. Выждав, когда огонь разгорится сильнее и турецкие всадники, спасаясь от дыма и жара, будут вынуждены отъехать в сторону, Леандр вылетел из дверей церкви, промчался мимо обнаженных сабель и бросился в воду. Он плыл, зажав во рту палец, чтобы река не высосала кровь, турки стреляли в волны, а он в воде потел от напряжения, боли и страха. Когда он оказался на другом берегу, уже наступила ночь, но было светло, как днем. У него за спиной, на берегу Дуная, горела его церковь в Раиноваце, и огромные раскаленные куски камней летели один за другим вниз и обрушивались в воду, освещая оба берега и с шипением затухая в волнах.

На новом берегу он лег в грязь среди камыша и заснул. Ему снилось, что в ухе, которого у него нет, он носит серьгу, и что он плетет корзину из тени тростника, чтобы ловить ею горящих птиц. Проснулся он в тени облака, на границе христианской империи, без пальца и уха, голодный, но теперь ему не надо было прятаться и убегать, как раньше.

«Да, – подумал он, поднимаясь из грязи, – трубка, изгрызенная говорящим по-немецки, выглядит совсем не так, как та, которую курят, говоря по-турецки».

С расстояния в один день хода он слышал бой часов и звуки колокола на башне в Сланкамене, однако, добравшись до города, не смог найти Диомидия. Чудом обнаружил его, закованного в кандалы, в тюрьме. Иезуиты не позволяли строить церкви по восточнохристианскому

канону, и поэтому Диомидий не смог заложить фундамент и заготовить строительные материалы без специального разрешения из Вены. А пока он считался личностью под подозрением, и Леандру стоило большого труда выкупить его из заключения. Не сделав того, что задумали, стояли они друг против друга, наконец-то, в безопасности, но совершенно отчаявшиеся и затерянные среди толпы беженцев с юга, которые волнами захлестывали берега Дуная до самого Будима. Увидев это, Леандр отправился к иезуитам и потребовал разрешения на любую церковь по любому канону, потому что самым главным для него было строить, а все остальное казалось не столь уж важным. Он получил ответ, что деньги на строительство церкви, разумеется, можно пожертвовать сразу, но монах Восточной христианской церкви должен сначала отказаться от своей первоначальной веры, при том, что начать строить он сможет только после того, как будет принят в новую, единственно истинную, как ему сказали, католическую, папскую веру, а на это потребуется время.

Услышав это, Леандр впервые решил ждать. Зима была в самом разгаре, звезды, крупные, как грецкие орехи, не мерцающая, блестели в синем ночном небе, две армии на зимних квартирах дожидались весны и лета, ухо и палец у Леандра зарастали и болели на два голоса, напоминая звук двойной свирели. Не успели толком отдохнуть, как наступил июль, время, когда вина нужно беречь от грозы. Войска начали последние приготовления к предстоящим боям, а одноухий и его товарищ поставили посреди сланкаменского поля палатку, купили арбузов, залили их ракией, чтобы они размякли, наловили рыбы и стали ждать. И когда орды турок и татар перешли Дунай и невиданным по мощи ударом заставили пасть Белград, направившись далее в Срем, Леандр продолжал ждать, кто первым покинет Сланкамен: иезуиты или он сам. Спасаясь бегством на север по Дунаю на лодках, пробрались монахи из монастыря Раваница, неся с собой тело сербского князя Лазара Хребляновича, царя-святого, за ними монахи из Шишатовца с мощами деспота Стевана Штиляновича, а монах Ириной Захумский и его товарищ продолжали ждать. Потом по Дунаю в сторону Будима и Вены проплыли монахи из Крушедола с мощами последних Бранковичей и монахи из Хопова с мощами святого ратника Теодора Тирона, а Леандр и Диомидий Суббота продолжали сидеть посреди сланкаменского поля и ждать. Когда из опустевшего Сланкамена ушли и иезуиты, Диомидий наконец смог начать подготовительные работы. И опять, когда они начали строить на сланкаменском поле маленькую церковь Пресвятой Богородицы, те преимущества, которые они приобрели, бежав от турок, растаяли, и у них осталось для работы только три-четыре дня. Когда на ней зазвонил колокол и все было закончено, Леандр обнял своего друга и простился с ним. С сожалением он сказал ему, что теперь им придется расстаться. Теперь Леандр будет работать один. Следующую постройку Ириной Захумский намеревался воздвигнуть в тех местах, откуда был родом, а это означало, что ему придется снова перебраться через Дунай, пройти через расположение австрийской армии, пробраться между передовыми отрядами турок и проникнуть в ее тылы. Когда Диомидий спросил своего товарища, не сошел ли он с ума, решив возвращаться туда, откуда они еле выбрались живыми, Леандр вместо ответа нарисовал ему на прибрежном дунайском песке всего одну букву.

После расставания Диомидий направился в Будим и возвел там прекрасное здание, которое стоит до сих пор, а Леандр еще раз переплыл Дунай и незаметно проник к туркам в тыл, держа путь в Боснию, где собирался в Дреновице выстроить храм Богородицы Млекопитательницы. Однако как раз в это время после страшного поражения под Сланкаменом 19 августа 1691 года, где погиб и могущественный Мехмед-паша Чуприлич, турецкая армия, как огромная волна, покатила от Дуная назад к югу. Снова, только в обратном направлении, она бешено сметала все на своем пути. Так Леандр еще раз оказался среди сабель, опять в том же положении, в котором постоянно находился и до сих пор: он бежал и строил, строил и бежал.

Есть такое явление, которое можно было бы назвать водописью рек. У каждой реки как бы свой почерк: реки выписывают отдельные буквы и оставляют сообщения, которые видны

только птицам, поднимающимся на большую высоту. Что-то похожее за время своих путешествий написал и Леандр. Те церкви, которые он построил и оставил после себя, обладали необычным свойством. Их соединяла одна совершенно правильная линия, а отыскать их было проще всего с помощью определенной траектории, которая представляет собой увеличенные до невиданных размеров очертания греческой буквы Θ, с которой начинается слово «Богородица». Это была та самая буква, которую Леандр выучил на своем первом и единственном уроке письма в ранней молодости, и которую он узнал на иконе из Пелагонии. Так он оставил после себя запись на землях между Жичей, Моравой, Смедеревом, Сланкаменом и Дреновицей, изобразив на огромном пространстве своей родины единственную выученную им букву единственным доступным ему способом – топором плотника.

2

После всех скитаний и трудов, досыта наевшись пота и страха от мысли о саблях двух воюющих армий, напившись чая, хорошего лишь для глухих на постоянных дворах, где брань была неизбежным блюдом, с изъеденными молью волосами, неграмотный, безухий и беспальный, вернулся Леандр к отцу в Белград, в котором, как он слышал, снова стояла австрийская армия. Он возвращался в город в дождливое время года, давя ногами постоянно попадавшимся ему на дороге и трещавших, как стекло, улиток. Он возвращался в Белград и думал о том, что, в сущности, совершенно не знает своего отца.

Нашел он его живым, но в полном одиночестве, постоянно разговаривающим с каким-то своим никому не известным и давно умершим сверстником. Сыну он обрадовался как-то отстраненно:

– Ты стареешь, как вино или бухарский ковер, – чем старее, тем лучше. Смотри только, чтобы не стать слишком старым для учения.

Вечером, лежа в подвешенной к потолку рыбачьей сети, отец в мыслях и воспоминаниях исправлял чуть не каждое слово, сказанное им в молодости. Ему хотелось заново пройти всю свою жизнь, все годы и десятилетия, перебрать все вопросы и все ответы, исправить их везде, где нужно, и посмотреть, какой была бы она с учетом всех этих исправлений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.